

09/203
Нотечник Михаил

АКТЕР **Михаил Ножкин:**

Известия - 2005 - 99 лет - с. 16.

«Ершистый был человек»

Михаил Ножкин, партнер Георгия Жженова по фильмам «Ошибка резидента» и «Судьба резидента», долгие годы дружил с Георгием Степановичем. Михаил Ножкин рассказал о Георгии Жженове специальному корреспонденту «Известий» Артуру Соломонову.

**Георгий Жженов
и Михаил Ножкин в фильме
«Судьба резидента» 1968 г.**

У Георгия Степановича была закваска — интеллигентская, питерская, рабоче-крестьянская, лагерная. Все знают его биографию. Он дважды был в лагерях. Но мне дорого то, что, испытав такие трудности, он нашел в себе силы вернуться в жизнь. И не просто вернуться в обычную жизнь, а в творчество — в театр, в кинематограф. Вер-

нулся он человеком убежденным, битым, мятым. Крепким мужиком. А в искусстве, к сожалению, среди мужчин очень много хлюпиков и сопляков. Он выгодно отличался от них. С ним, как говорят, можно было идти в разведку.

Никогда он не был глиной, из которой режиссеры лепили то, что им было угодно. Он часто менял мизансцены, придумывал другие реплики. Георгий Степанович ершистый был человек — но по делу, а не во что бы то ни стало.

Он писал прозу, писал стихи, но стеснялся этого. Он скромным человеком был. Когда я репетировал с ним, он не только помогал мне сам, но и позволял мне, молодому актеру, что-то ему подсказывать.

Отдыхая от работы в театре, он ездил на гастроли с творческими вечерами, снимался в кино. Отдыхом для него была смена работ. Его работа и была его хобби.

Говорят, что ему, столько испытывавшему, трудно было любить Родину. Но это не так. Он очень хорошо отличал государственный строй от Родины. Мы с ним об этом много разговаривали. Когда мы с ним встречались, то меньше всего говорили о творчестве, а больше — о жизни. Он очень переживал за то, что сейчас творится. Но верил, что все наладится. Когда ему исполнилось семьдесят пять, мы снова разговорились о его трудном пути, и я сказал: «Георгий Степанович, а что если все это — Божий промысел? Если вам Бог посылал испытания, проверяя вас на прочность? И вы эту проверку прошли. Ваши ровесники были призваны на фронт в первые же дни войны. И в первые же месяцы почти все погибли. Если бы вас судьба — тяжелая, обидная — в лагеря не забросила, то неизвестно, жили ли бы вы вообще на белом свете». Он задумался глубоко и сказал: «Я никогда об этом не думал, но, пожалуй, ты прав». И он постепенно все мягче стал говорить об этих грустных годах, о своей лагерной жизни. Стала проходить обида. Стала успокаиваться душа.